

УДК [811.17+811.161.1]’373.72

DOI 10.37972/chgpu.2022.115.2.017

А. С. Турлаева, М. С. Хмелевский

ОБРАЗ ЧЕРТА В ЛИТОВСКОЙ, ЛАТЫШСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В настоящей статье анализируются наиболее частотные литовские и латышские фразеологизмы с компонентом *черт*, или *Велняс*, в сопоставлении с русскими. В исследовании представлено несколько аспектов данной проблематики, в частности, дается краткий обзор фактов, подтверждающих близость этих языков к древнему индоевропейскому языку, а также кратко описываются общие представления балтов о Велнясе, своими корнями уходящие в эпоху язычества, которая у литовцев и латышей сохранялась вплоть до XVII в. Основная часть работы посвящена анализу языкового материала, который делится на три основные группы по принципу полных совпадений, частичных аналогов и безэквивалентных единиц. На базе последних делается вывод о большей антропоморфности образа представителя нечистой силы у балтов по сравнению с русским чертом ввиду довольно позднего принятия балтами христианства. С учетом существования в определенный исторический период балто-славянского союза литовская и латышская фразеология помогает глубже проникнуть в сознание древнего славянина и восстановить картину его представлений о нечистой силе в дохристианский период, не зафиксированных в письменных источниках, но находящих подтверждение в современной литовской и латышской фразеологии, где эти представления сохраняются до сих пор.

Ключевые слова: *латышский язык, литовский язык, русский язык, сопоставительная фразеология, черт, Велняс*

A. S. Turlaeva, M. S. Khmelevsky

IMAGE OF DEVIL IN LITHUANIAN, LATVIAN AND RUSSIAN PHRASEOLOGY

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. This article analyzes the most frequent modern Lithuanian and Latvian phraseological units with the component “devil”, or “Velnyas” in comparison with the Russian language. The study presents several aspects of this issue, in particular, a brief overview of the facts confirming the proximity of these languages to the ancient Indo-European language, and also briefly describes the general ideas of the Balts about Velnyas, which have their roots in the era of paganism, which was preserved among Lithuanians and Latvians until 17th century. The main part of the work is devoted to the analysis of the linguistic material itself, which is divided into three main groups according to the principle of complete matches, partial analogues and non-equivalent units. On the basis of the latter, a conclusion is made about the greater anthropomorphism of the image of the representative of evil spirits among the Balts in comparison with the Russian concept of “devils” due to the rather late adoption of Christianity by the Balts. Taking into account the existence of the Balto-Slavic union in a certain historical period, Lithuanian and Latvian phraseology helps to penetrate deeper into the consciousness of the ancient Slav and restore the picture of his ideas about evil spirits in the pre-Christian period, which were not recorded in written sources, but are confirmed in modern Lithuanian and Latvian phraseology, where these ideas are still preserved.

Keywords: *Latvian language, Lithuanian language, Russian language, comparative phraseology, devil, Velnyas*

Введение. Литовский и латышский языки относятся к балто-славянской ветви индоевропейской семьи. Число говорящих на литовском языке (преимущественно в Литве, столица Вильнюс) составляет около трех миллионов человек, а на латышском (преимущественно в Латвии, столица Рига) – около двух миллионов. Языковой материал балтийских языков в силу их архаичности издавна привлекался для сравнительно-сопоставительного анализа [1], [5], [6], [7]. В работе исследуется фразеологический пласт языка на основе лексикографических источников как отечественных [1], [8], так и литовских [5], [10] и латышских [12], [14]. Целью настоящего исследования является сопоставление фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом *черт* в балтийских и русском языках, выявление сходств и различий в данной семантической группе с опорой на специализированные филологические труды по данной теме российских [1], [2], [5], [7], литовских [11], [15] и латышских [9], [13] лингвистов.

Актуальность исследуемой проблемы. С возникновением пристального интереса и внимания к сравнительно-сопоставительному языкознанию в начале XIX в. не раз отмечалось, что балтийские языки, в первую очередь литовский, из всех современных индоевропейских языков по своей фонетической, грамматической, морфологической и лексической структуре наиболее близки праиндоевропейскому субстрату [6, с. 11]. Актуальность настоящего исследования на сопоставительном уровне именно фразеологического материала представляется нам неоспоримой, поскольку литовский и латышский языки привлекались в сравнительном языкознании в основном для исторической фонетики, а лексика и фразеология обычно оставались и остаются до сих пор за рамками внимания славистов [5, с. 3].

Материал и методы исследования. В настоящей статье использован целый ряд научных, близких к затрагиваемой проблематике литовских и латышских исследований [9], [11], [13], [15], а также привлекаются результаты научных изысканий отечественных лингвистов [2], [3], [4], [7], [8]. В качестве методики описания языкового материала за основу был взят принцип сплошной выборки из фразеологических и этимологических словарей литовского [10] и латышского языков [12], [14], а также из литературных текстов и разговорной речи для подтверждения их употребительности в настоящее время. Для поиска аналогов также привлекались как фразеологические [1], так и узкотематические [8] словари русского языка.

Результаты исследования и их обсуждение. Логично было бы предположить, что наряду с акцентологическими (в балтийских языках три музыкальных ударения), фонетическими (противопоставление по долготе и краткости гласных), морфологическими и синтаксическими особенностями литовский и латышский языки сохранили праиндоевропейские черты также и на фразеологическом уровне. В работе рассматривается группа ФЕ с компонентом *черт*, которые мы разделили на полные балто-русские эквиваленты, частично совпадающие ФЕ и ФЕ, не имеющие аналогов.

Сопоставительный анализ предварим культурологическим фоном и отметим разницу восприятия черта у русских и балтов. Если в русской мифологии черт – это злой дух, противопоставляемый добру, то у балтийских народов (лат. *velns*, лит. *velnias*, в русской специализированной литературе из-за отсутствия полного соответствия передается как *Велняс* [2, с. 228]) он сохраняет древнее языческое представление [9, л. 73]. В балтийской мифологии Велняс противопоставляется *Перкунасу* (лит. *Perkūnas*, лат. *Pērķuns*, русск. Перун) – громовержцу, является повелителем душ мертвых, а также покровителем скота [9, л. 80], который в результате христианизации воплотился в единый образ черта, но сохранил свою этимологическую связь с пантеоном языческих богов, что реализуется в языке, в частности во фразеологии, а также в фольклоре и литературе [14, т. II, л. 26].

Этимологически лат. *velns*, лит. *velnias* мотивировано лексемой *veils* – «душа умершего, живущая в загробном мире» [12, л. 1115]. На основе этого можно судить о сходстве и различии образа черта у славян и балтов. В сознании последних черт неразрывно ассоциировался именно с душами умерших, а не с загробным миром, как у славян и европейцев [15, р. 112]. При этом интересно, что в балтийском фольклоре черт нередко ассоциировался напрямую с землей и водой [9, л. 22], по этой причине в Литве и Латвии до сих пор сохраняется более 400 топонимов с корнем *veln-* (ср. этимологию Вильнюса) [15, р. 64]. В русской фразеологии также встречаем подобную ассоциацию *в тихом омуте черти водятся*, но она не получила такого широкого распространения в топонимике, как у балтов.

Итак, перейдем непосредственно к анализу ФЕ с этим компонентом и сопоставим их по степени совпадений с русским языком.

Полные эквиваленты. К полным эквивалентам относятся ФЕ, совпадающие в трех языках по своей семантике и синтаксической модели, как, например: лат. *kāds velns dīda?! – русск. какой черт дернул?!; лит. kurių velnių?! – русск. какого черта?!; лит. velnias atnešė – русск. черт принес; лит. velnias žino – русск. черт знает; лит. nė velnio – русск. ни черта; лит. lįst velniui į dantis – рус. лезть к черту в зубы ‘заведомо рисковать жизнью; предпринимать что-л. рискованное’; лат. *velno ducis*, лит. *velnio tuzinas* – русск. *чертова дюжина*, т. е. ‘тринадцать’ и др. Поскольку данные ФЕ встречаются и у славян, и у балтов, можно сделать вывод, что они являются либо 1) индоевропейским наследием, либо 2) результатом христианизации: лат. *pārdot (savu) dvēseli velnam*, лит. *parduoti savo dvasę velniui – русск. продать (свою) душу черту/дьяволу* [3, с. 392].*

Частичные эквиваленты – это ФЕ, в той или иной степени совпадающие по структуре и образности, но с вариацией компонента, как, например: лат. *skriet velnam rīklē* (букв. бежать к черту в глотку) – русск. *лезть черту на рога* ‘действовать сгоряча, не считаясь ни с чем, не думая о последствиях для себя’; лит. *velnias pasuko* (букв. черт покрутил, повернул), ср. русск. *черт понутал*; лит. *velnias nunešė ant uodegos* (букв. черт унес на хвосте), ср. русск. *черт унес/забрал* [4, с. 75]; лат. *lai tevi velns suspertu!*, ср. русск. *чтоб тебя гром разразил!*; лат. *klusā atvarā velni dzīvo* (букв. на открытом месте черти живут), ср. русск. *в тихом омуте черти водятся* и др. Среди них один из самых распространенных и иллюстративных примеров – лат. *(ai)ziet pie velna*, лит. *eiti pas velnią*, русск. *идти/пойти к черту*. При этом русск. *(иди) к черту!* в ответ на пожелание *ни пуха, ни пера!* у балтов не встречается по причине отсутствия самого поверья, поэтому с учетом такого употребления данная ФЕ в первом и основном своем значении может считаться полным эквивалентом, а во втором – частичным по причине отсутствия такового в литовском и латышском. В качестве синонимов основного значения данного выражения в латышском мы находим ФЕ с вариантами глагольного компонента: *vākties (lasīties) pie velna* (букв. собираться к черту), *kad tevi velns!* (букв. чтоб тебя черт (нечистый)!), *sūtīt (pasūtīt) pie velna* (букв. слать (послать) к черту), *triekt pie velna* (букв. гнать к черту), *velns lai parauj, velns parāvis!* (букв. черт бы взял, черт возьми!), ср. русск. *черт побери!* и др. Латышская ФЕ *kā velns no krusta*, лит. *[bijoti] kaip velnias kryžiaus* (букв. [бояться] как черт креста), ср. русск. *как черт ладана*, не имеет компонентных вариантов, тогда как в русском также встречается и полный эквивалент *бояться как черт креста*, хотя по частотности своего употребления он уступает ФЕ с компонентом *ладан* по причине того, что ладан является атрибутом исключительно православия, тогда как литовцы исповедуют католицизм, а латыши преимущественно лютеране.

Единая в балтийских и русском языках модель частичных эквивалентов свидетельствует не только об их индоевропейском происхождении, но также и о национальной специфике в образном выражении общего значения.

Безэквивалентные фразеологизмы, по сути, являются наиболее интересными с культурологической точки зрения, поскольку в них застыли и отображаются исконно балтийские представления о нечистой силе. На основании этих устойчивых единиц можно «нарисовать» тот образ черта (т. е. Велняса), который до сих пор живет в сознании балтийских народов.

В латышской ФЕ *lai velns par mazu puiku (zēnu) paliek* (букв. пусть даже черт останется маленьким мальчиком) в значении ‘несмотря ни на что, что бы ни случилось’ читается антропоморфный образ латышского черта, имеющего возрастную градацию. Сравним также, с одной стороны, лит. *velnio mažvaikis* (букв. черт-ребенок, недоросль), т. е. шалун, баловник, ветреный человек, а с другой – лит. *su velniu vienais metais* (букв. с чертом одного года) ‘об очень старом человеке’.

Следующие ФЕ отражают языческое представление о Вельнясе как о скотоводе: лит. *velnias krato kratinį* (букв. черт сено для скота трясет) в значении ‘сильно стучать, ударять, греметь’, лит. *velnio darželis* (букв. чертов садик) – ‘о зарослях крапивы’, лит. *velnias krauna taukais į aruodą* (букв. ‘черт нагружает жиром сарай’) в значении ‘кому-л. очень везет’, лит. *velnias iš purų* (букв. черт из бобов), т. е. ‘внезапно, неожиданно, немного напугав’, ср. русск. *как черт из табакерки/коробочки/рукомойника/бутылки* [8, с. 46].

Ассоциация черта с пьянством реализуется в таких ФЕ, как лит. *velnio gerklė* (букв. горло черта), т. е. ‘пьяница’, лит. *velnio ašara/grietinė/lašai* (букв. слеза/сметана/капли черта), т. е. ‘самогон’, лит. *velnio namai* (букв. дом черта), т. е. ‘кабак, таверна’, лит. *pusė velnio* (букв. половина черта), т. е. ‘наполовину пьян’ и т. п. В этом смысле можно провести параллель с дохристианским античным Вакхом, что выражается в литовской ФЕ *visi velniai muzikantai* (букв. все черти – музыканты) – ‘о человеке, критикующем всех и все’. В балтийской фразеологии Велняс еще может: 1) смеяться: *velnias juokiasi* (букв. черт смеется), т. е. а) ‘никому не верит’, б) ‘о чем-л. плохом’; 2) голодать: лат. *bada laikā velns pat mušas ēd* (букв. в плохие времена сам черт мух ест); 3) увозить на себе верхом: *velnias nujojo (šikti)* (букв. черт увез верхом (срать) кого-л. или что-л.), т. е. ‘исчезнуть, пропасть’ (ср. русск. *черт унес/взял/забрал*, причем в литовском используется глагол *joti*, означающий только езду верхом), 4) ходить в церковь: лат. *ielaid velnu baznīcā, viņš tev uzkāps kancelē* (букв. пусти черта в церковь, он тебе за амвон залезет), ср. русск. *пусти козла в огород* и т. д.

С чертом у балтов также связаны антонимические представления одновременно о большом и ничтожно малом количестве либо о полном отсутствии чего-л., как и в русск.: *ни черта* и *до черта*, но с большей образностью. Приведем примеры из литовского языка: 1) ‘малое количество, отсутствие чего-л.’: *velnio ašara/kiaušinis* (букв. слеза/яйцо черта), *velnio akį/šūdą (gauti)* (букв. глаз/говно черта получить), т. е. ‘ничего’, *sūdytą velnio* (букв. соленого черта), ср. с русск. ФЕ *черта лысого!*, *черта с два, ни черта* и т. д.; 2) ‘большое количество’: *gyvas velnias* (букв. живой черт), т. е. ‘очень много чего-л.’, *per velnią* (букв. больше черта), ср. русск. *до черта*, т. е. ‘много’ [7, с. 145] и т. п.

В то же время в русской фразеологии мы также встречаем примеры ФЕ, не имеющие аналогов в балтийских языках. Так, русский черт может: 1) драться: *еще черти в кулачки не дрались* ‘очень рано’; 2) работать: *двужильный черт* ‘о выносливом, работающем человеке’; 3) шутить: *чем черт не шутит* – говорится в неожиданной ситуации, когда все может произойти; 4) готовить: *черти заварили кашу* ‘произошло что-то неожиданное’; 5) танцевать: *черти заплясали* – ‘развеселиться’ и т. д. [8].

Выводы. В нашем исследовании сделана попытка представить краткий обзор литовских и латышских устойчивых единиц с компонентом *черт* в сопоставлении с русскими и сквозь призму фразеологии показать образ одного из представителей нечистой силы в балтийской мифологии, нашедшего отражение в языке и частично совпадающего по своим характеристикам со славянским, что является наследием индоевропейской и балто-славянской языковых общностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М. : Астрель, 2005. – 926 с.
2. Иванов В. В., Топоров В. Н. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. – М. : Сов. энцикл., 1987. – Т. 1. – 671 с.
3. Кузнецова И. В. Мотив связи богатства с нечистой силой в славянской фразеологии // Slavenska frazeologija i pragmatika. – Zagreb : KNJIGRA, 2007. – С. 389–394.
4. Кузнецова И. В. Персонажи мифологии в устойчивых сравнениях // Slavia: Časopis pro slovanskou filologii. – 2009. – Т. 78, № 1–2. – С. 69–88.
5. Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. – Л. : Наука, 1982. – 211 с.
6. Петерсон М. Н. Очерк литовского языка. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 160 с.
7. Хмелевский М. С. К вопросу о фразеологической вариативности как объекте сопоставительного анализа (литовско-славянские фразеологические параллели) // Материалы XXXVI Международной филологической конференции. Фразеология в тексте и словаре. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. – С. 141–145.
8. Шведова Н. В. Словарь фразеологизмов с компонентом «черт». – Курган : Изд-во КГУ, 2009. – 125 с.
9. Drīzule R. Dieva un Velna mitoloģiske personificējumi latviešu folklorē // Pasaules skatījuma poētiskā folklorē. – Rīga : RU, 1988. – L. 71–86.
10. Frazeologijos žodynas. Red. J. Paulauskas. – Vilnius : LKI, 2001. – 886 p.
11. Jasiūnaite B. Šventieji ir nelabieji frazeologijoje ir liaudies kultūroje. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2010. – 441 p.
12. Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. – Rīga : Avots, 2001. – 1303 l.
13. Kokare E. Latviešu galvenie mitoloģiske tēli folkloras atveidē. – Rīga : SIA «Mācību apgāds NT», 1999. – 199 l.
14. Laua A., Ezeriņa A., Veinberga S. Latviešu frazeoloģijas vārdnīca. I-II. – Rīga : Avots, 2017. – 1472 l.
15. Velius N. Chtoniskasis lietuvių mitologijos pasaulis: folklorinio velnio analizė. – Vilnius : Vaga, 1987. – 317 p.

Статья поступила в редакцию 23.04.2022

REFERENCES

1. Biriĥ A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskij slovar'. – M. : Astrel', 2005. – 926 s.
2. Ivanov V. V., Toporov V. N. Mify narodov mira : enciklopediya : v 2 t. – M. : Sov. encikl., 1987. – Т. 1. – 671 s.
3. Kuznecova I. V. Motiv svyazi bogatstva s nechistoj siloj v slavyanskoj frazeologii // Slavenska frazeologija i pragmatika. – Zagreb : KNJIGRA, 2007. – С. 389–394.
4. Kuznecova I. V. Personazhi mifologii v ustojchivyh sravneniyah // Slavia: Časopis pro slovanskou filologii. – 2009. – Т. 78, № 1–2. – С. 69–88.
5. Lauchyute Yu. A. Slovar' baltizmov v slavyanskih yazykah. – L. : Nauka, 1982. – 211 s.
6. Peterson M. N. Oчерk litovskogo yazyka. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1955. – 160 s.
7. Hmelevskij M. S. K voprosu o frazeologicheskoy variativnosti kak ob"ekte sopostavitel'nogo analiza (litovsko-slavyanskie frazeologicheskie paralleli) // Materialy XXXVI Mezhdunarodnoj filolo-gicheskoy konferencii. Frazeologiya v tekste i slovare. – SPb. : Izd-vo SPbGU, 2007. – S. 141–145.
8. Shvedova N. V. Slovar' frazeologizmov s komponentom «chert». – Kurgan : Izd-vo KGU, 2009. – 125 s.
9. Drīzule R. Dieva un Velna mitoloģiske personificējumi latviešu folklorē // Pasaules skatījuma poētiskā folklorē. – Rīga : RU, 1988. – L. 71–86.
10. Frazeologijos žodynas. Red. J. Paulauskas. – Vilnius : LKI, 2001. – 886 p.
11. Jasiūnaite B. Šventieji ir nelabieji frazeologijoje ir liaudies kultūroje. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2010. – 441 p.
12. Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. – Rīga : Avots, 2001. – 1303 l.
13. Kokare E. Latviešu galvenie mitoloģiske tēli folkloras atveidē. – Rīga : SIA «Mācību apgāds NT», 1999. – 199 l.
14. Laua A., Ezeriņa A., Veinberga S. Latviešu frazeoloģijas vārdnīca. I-II. – Rīga : Avots, 2017. – 1472 l.
15. Velius N. Chtoniskasis lietuvių mitologijos pasaulis: folklorinio velnio analizė. – Vilnius : Vaga, 1987. – 317 p.

The article was contributed on April 23, 2022

Сведения об авторах

Турлаева Алина Сергеевна – студент 3 курса филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, alin.alin.alin2000@yandex.ru

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, <http://orcid.org/0000-0002-1980-5453>, chmelevskij@mail.ru

Author Information

Turlaeva, Alina Sergeevna – Third-year Student, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, alin.alin.alin2000@yandex.ru

Khmelevsky, Mikhail Sergeevich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, <http://orcid.org/0000-0002-1980-5453>, chmelevskij@mail.ru